

TERRA NULLIUS И ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Эксплицируется эвристический потенциал концепта *terra nullius* («ничья земля»), который используется для описания динамики отношений власти в социальном пространстве. *Terra nullius* трактуется автором как пространственная лакуна, незаполненный смыслами элемент в структуре социального пространства. Основанием для применения данного концепта стали труды Г. Гроция, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегеля, Ф. Ницше и других авторов. Показано, что концепт *terra nullius* позволяет раскрыть новый теоретико-методологический горизонт философского исследования феноменов власти и социального пространства.

Ключевые слова: *terra nullius*; социальное пространство; физическое пространство; топос; гетеротопия; власть; дискурс.

В современной философской и гуманитарной мысли появляются концепты, которые позволяют исследовать пространство как гетерогенное, многомерное и многоуровневое образование. Структура пространства анализируется исходя из бинарных оппозиций «социальное – физическое», «частное – публичное», «сакральное – профанное», «обжитое – необжитое» и т.д. Исследуются и отдельные элементы социального пространства – топосы, маркирующие разрывы в его структуре: гетеротопия (М. Фуко), «третье место» (Р. Ольденбург), игровое пространство (Й. Хейзинга).

Целью настоящей статьи является экспликация многомерности и полисемантичности концепта *terra nullius*, который может использоваться в философских исследованиях для описания топологических отношений в социальном пространстве.

Terra nullius – латинское выражение, происходящее из римского права и буквально обозначающее: «земля, не принадлежащая никому; ничья земля». В международном праве этот термин используется для обозначения пространства, свободного от действия европейских правовых норм и потому подлежащего «открытию», установлению в нем новых отношений власти, реорганизации и упорядочению. Ограничивая область подобных «свободных пространств», европейские государства очерчивали тем самым территорию, в пределах которой легитимировалось безоглядное применение насилия, и переносили на нее всю тяжесть внутриевропейских конфликтов. Показательно, что наиболее активно концепт *terra nullius* использовался в международно-правовом дискурсе в Новое время – эпоху, когда географические карты приобрели современный вид. Именно в эту эпоху западноевропейец, впервые преодолев локальность привычного мироустройства и столкнувшись с разверзшейся перед ним бездной открытых территорий, был вынужден выработать устойчивые навыки ментальной обработки пространства, рационально-технологического его освоения.

В международно-правовом дискурсе концепт *terra nullius* используется с позиций европоцентричной колониальной логики, как «пустое пространство», которое следует «открыть», захватить и использовать в интересах колонизаторов. Однако при рассмотрении той же самой географической реалии из перспективы автохтонного населения данная земля отнюдь не воспринимается в качестве «ничьей», но, напротив, обре-

тает целый спектр культурных смыслов и коннотаций. Европоцентричный взгляд на колонизируемое пространство – это попытка открыть уже открытое, дать номинацию тому, что уже было именовано, написать новую историю того, что уже обладает культурно-историческим смыслом.

Вместе с тем международно-правовая трактовка «ничьей земли» акцентирует немаловажный аспект и для философского понимания пространства: пространство представляет собой область борьбы различных перспектив, интерпретационных моделей реальности, каждая из которых стремится наделить тот или иной топос собственным смыслом. *Terra nullius* в международном праве есть результат этой смысловой борьбы за пространство, который свидетельствует о победе одной из сторон (европоцентричного дискурса).

Несмотря на то что концепт *terra nullius* применяется преимущественно в работах по международному праву, по своему эвристическому потенциалу он намного превосходит указанные рамки, служа наглядным примером возможности экстраполяции в область философского дискурса терминов из других областей научного знания (подобно концептам «трансгрессия», «сублимация», «ризома», «гетеротопия» и др.). В этом плане показательной является история термина «трансгрессия», первоначально означавшего наступление суши на море и употреблявшегося в геологических текстах для описания процессов, трансформирующих географическое пространство. Позднее, в постструктуралистской философии, данный концепт начал использоваться для характеристики социального пространства, пространства смыслообразования дискурса. По аналогии с рассматриваемыми процессами возможность укоренения концепта *terra nullius* в философском дискурсе связана, на наш взгляд, с его обширным семантическим потенциалом, способностью описывать не только географическое или физическое пространство, но и процессы, происходящие в социальном пространстве. Кроме того, данный концепт имеет важное методологическое значение, поскольку позволяет интегрировать разрозненные терминологические и концептуально неоднородные исследования пространства, в которых один и тот же пространственный феномен может описываться с помощью различных терминов. Представления о «ничьей земле» присутствуют в работах Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше, Ж. Бодрийяра и многих других авторов. Однако дан-

ные представления во многом носят имплицитный характер, что обусловлено как отсутствием в философском дискурсе вплоть до XX в. разработанной методологии исследования социального пространства и концептуальных средств его описания (что справедливо для авторов прошлых эпох), так и отсутствием самой задачи его анализа.

Перенос международно-правового концепта в русло социальной философии предполагает его очищение от европоцентричных коннотаций, которое позволяет в максимальной степени раскрыть его эвристический и методологический потенциал и значительно расширить семантическое поле его употребления. Философский дискурс изобилует представлениями о «ничьей земле», которые употребляются зачастую на уровне метафор или описательных конструкций, нуждающихся в концептуализации. Так, Б. Рассел в качестве обширной, неизведанной и оспариваемой *terra nullius* рассматривает саму философию: «Между теологией и наукой имеется Ничья Земля, подвергающаяся атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля и есть философия» [1. С. 7]. При этом перед нами возникает задача: вскрыть за метафорическим значением концептуальное, перейти от пространства-образа к пространству-концепту.

Важнейшая эвристическая функция концепта *terra nullius* заключается, на наш взгляд, в том, что он позволяет вскрыть онтологический источник динамики социального пространства, осмыслить его как сложноорганизованную систему, развивающуюся не только путем кризиса (революции, войны и т.д.), не только путем деструкции уже сложившихся структур, но и благодаря обращению к областям потенциальных смыслов. Наличие в структуре социального пространства «ничьей земли» — неорганизованных, неоформленных, не подчиненных отношениям власти топосов социального пространства — позволяет описать его динамику через обращение к «нулевому означаемому», элементу, еще не наделенному устойчивым смыслом. Таким образом, социальное пространство понимается нами как сложное гетерогенное образование с наличествующими в его структуре разрывами.

Подобно гетеротопии, представляющей собой разрыв в повседневном бытии человека [2. С. 196], *terra nullius* может служить для характеристики прерывности, трансгрессивности социального пространства. Однако, в отличие от гетеротопии, организованной, упорядоченной, структурированной, пусть и по иным правилам, нежели соседнее место, «ничья земля» — это неоформленный, неупорядоченный, нерасчлененный топос социального пространства. Если в гетеротопии происходит смешение социальных позиций, ролей и статусов при сохранении локализации и относительной закрытости этого топоса, то *terra nullius* обладает свойствами открытости и потенциальности. Гетеротопия может аккумулировать в себе время и историческую память (не случайно в качестве примеров гетеротопий М. Фуко приводит музеи, библиотеки, кладбища [2. С. 198, 201]), тогда как *terra nullius* подобна локковской «чистой доске», на которой истории еще только предстоит начертать свои письмена.

В отличие от Фуко, сконцентрировавшего свой анализ отношений власти в социальном пространстве на топосах, в которых господствуют отношения дисциплины, исчисляемости, муштры и всеподнадзорности (тюрьмы, больницы, образовательные учреждения), мы полагаем необходимым осуществить анализ и тех топосов, которые являются лакунами власти, пробелами в сети властных отношений.

Таким образом, в структуре социального пространства постоянно происходит «открытие» или производство новых топосов, еще не ассимилированных отношениями власти, топосов, в которых не действуют традиционные социальные нормы. Эти пространственные лакуны подлежат ассимиляции со стороны отношений власти и встраиванию в систему иерархий, циркулирующих в социальном пространстве, что способствует поддержанию равновесия всей системы или приводит к ее реорганизации. Так, физическое пространство может быть осмыслено не в качестве «естественной основы» социального, но его продукта, топоса, исключенного из определенной системы уже сложившихся социальных позиций и отношений и подлежащего встраиванию в эту систему.

Социальное пространство, как и физическое, может быть конституировано вещами, но этим вещам придается социально значимые смыслы. В строгом смысле слова, чисто физического пространства, лишенного социального значения, социально-культурных смыслов, ценностной окраски, не существует, ибо любой физический феномен воспринимается человеческим сознанием через призму социального. Так, один и тот же феномен физического пространства, один и тот же физический артефакт приобретает для представителей разных профессий и культур, носителей различных социальных статусов различные смыслы: дерево в лесу может выступать как объект эстетического восприятия (для художника, туриста, путешественника), строительный материал (для лесника), препятствие (для бегуна), объект поклонения (для язычника) и т.д. Объекты физического пространства становятся, таким образом, своеобразным «полем столкновения» различных дискурсов, «бытийно-смысловых перспектив» [3], каждая из которых стремится наделить его собственным смыслом, собственной интерпретацией. Если мы рассмотрим такую отличительную особенность физического и социального пространств, как наличие границ, то обнаружим проблематичность их естественного характера, поскольку даже природные, географические границы были открыты, обнаружены и проведены человеком, т.е. носят не «естественный», но конструктивный характер: «Различия, произведенные посредством социальной логики, могут, таким образом, казаться рожденными из природы вещей (достаточно подумать об идее “естественных границ”）」 [4. С. 50].

Terra nullius, следовательно, не должна пониматься исключительно в качестве чисто физической данности. «Ничья земля» представляет собой лакуну в определенной интерпретационной модели реальности, не заполненный смыслами элемент в структуре социального пространства. Анализ территориальной

структуры социального пространства используется нами в качестве исследовательского приема, позволяющего раскрыть взаимосвязь и взаимопроникновение физической территории и социальных смыслов. Само понятие «территория» представляет собой не физический, но социальный феномен, выражающий символические связи в социальном пространстве. Физические, территориальные элементы могут, маркируя социальные структуры, выражать отношения господства и подчинения в социальном пространстве (такие феномены, как флаг, изгородь, колючая проволока, выполняют зачастую чисто символическую функцию, обозначая ассимилированный или изолированный статус маркируемого ими пространства). Как и в случае с самим социальным пространством, концепт *terra nullius* может служить примером проекции ментальных конструкторов в область топологических. Исследование физической территории в качестве *terra nullius* призвано, следовательно, прояснить, как эта территория аккумулирует социальные смыслы и влияет на динамику социальных отношений.

Для удержания данного топоса в сложившейся системе социально-пространственных отношений необходимы определенные условия, что было отмечено уже Ж.-Ж. Руссо. Мыслитель выделяет три условия, позволяющие узаконить право первой заимки на участок земли: во-первых, данный участок должен быть незаселенным; во-вторых, занимать следует пространственный участок в соответствии с собственными потребностями в пропитании; в-третьих, важнейшим условием удержания «ничьей» земли является ее расчистка и обработка (и здесь философ вторит Г. Гроцию, утверждавшему, что «нельзя считать занятым то место, которое не обрабатывается» [5. С. 211]). «Достаточно ли ступить ногою на общий участок земли, чтобы провозгласить себя тотчас же его хозяином? <...> Как может человек или народ завладеть огромною территорией, лишив человеческий род этой территории, иначе, как не в результате наказуемого захвата, поскольку этот акт лишает других людей мест обитания и источников существования, которые природа дает им всем в общее пользование?» – вопрошает Руссо, подчеркивая важность установления господства над территорией, ибо именно оно обеспечивает власть и над проживающими на ней людьми. [6. С. 165–166]. Таким образом, в трактовке Руссо, «ничья земля» – не просто безлюдная территория, но топос, который подлежит окультуриванию и для удержания которого необходимо постоянное вовлечение его в процесс труда. Так понятая *terra nullius*, выражаясь гегелевской терминологией, представляет собой лишь момент, подлежащий снятию («*Aufhebung*»), онтологически не самодостаточный феномен социальной тотальности.

Следует выделить пространственные и временные аспекты употребления концепта *terra nullius*.

В пространственном аспекте *terra nullius* есть исходный топос конституирования новых социальных и культурных отношений, область, в рамках которой не действуют сложившиеся социальные нормы. Это пространство «по ту сторону линии» (К. Шмитт), остаю-

щееся за пределами «правовых, моральных и политических оценок». В этом смысле «ничья земля» может быть уподоблена естественному состоянию общества (Т. Гоббс, Дж. Локк). К. Шмитт выделяет два вида подобных «свободных» пространств, характерных для эпохи Нового времени: во-первых, сухопутное пространство Нового Света (Америка) и, во-вторых, морское (океаническое) пространство [7. С. 87]. Представление об Америке в качестве *terra nullius* далеко не случайно: согласно хрестоматийному выражению Дж. Локка, «вначале весь мир был подобен Америке» [8. С. 290]. Первыми переселенцами-колонистами американская земля воспринималась в качестве пространства, лишенного истоковости и традиций, множественных смыслов и интерпретаций, исторических и социокультурных коннотаций, а потому представляющего собой лишь чистую потенциальность, объект для извлечения прибыли. Отсутствие привязки к земле, ощущения своей причастности ее историческому прошлому (да и нивелирование этого прошлого как такового) способствовало активизации миграционных потоков на этой вновь открытой территории: «Никакой традиции! Никакого старого дела! Все должно быть вновь создано, как бы из ничего. Никакой связи с местом: на чужбине всякое место одинаково безразлично или, раз выбранное, его легко меняют на другое, когда оно дает больше шансов нажить» [9. С. 376].

Неоформленность, неопределенность морской стихии, отсутствие в ней четкого порядка и строгой локализации также позволяют ей выполнять функцию «ничьего пространства». Следует подчеркнуть особый статус моря в знаменитых утопических произведениях: и Т. Мор в «Утопии», и Т. Кампанелла в «Городе солнца» и Ф. Бэкон в «Новой Атлантиде» локализируют идеальный социальный порядок за морем, на острове. Море выступает в данном случае в качестве топоса, разделяющего два различных социально-политических порядка: совершенный и несовершенный, актуальный и потенциальный, справедливый и несправедливый. Однако море выполняет функцию не только демаркационной зоны, но и пограничного топоса, *связывающего* разнородные социальные порядки. На эту объединяющую функцию морской (и – шире – водной) стихии задолго до появления геополитических концепций Ф. Ратцеля, А. Мэхэна, К. Шмитта указывал еще Г.В.Ф. Гегель: «Море вызывает в нас представление о чем-то неопределенном, неограниченном и бесконечном, и когда человек чувствует себя в этой бесконечной стихии, то это внушает ему стремление выйти за пределы ограниченного; море призывает человека к завоеваниям, к разбою, а также и к наживе, к приобретению; низменность прикрепляет человека к земле; благодаря этому он становится зависимым в бесконечном множестве отношений; но море выводит его из этих ограниченных сфер» [10. С. 135].

Водное пространство – это не только посредник для осуществления торговли и важнейшее коммуникативное звено, но и стихия неизвестности и хаоса. Таким предстаёт океан в работах Ф. Ницше: «Мы покинули сушу и пустились в плавание! Мы снесли за

собою мосты – больше, мы снесли и саму землю! Ну, кораблик! Берегись! Вокруг тебя океан: правда, он не всегда ревет и порою шелк и словно шелк и золото, греза о благе. Но наступит время, и ты узнаешь, что он бесконечен и что нет ничего страшнее бесконечности. О, бедная птица, жившая прежде на воле, а нынче бьющаяся о стены этой клетки! Горе тебе, если тебя охватит тоска по суше и дому, словно бы там было больше свободы, – а “суши”-то и нет больше!» [11. С. 439]. Метафора океана у Ницше служит для обозначения пространства, лишённого стабильного и надежного основания, области хаоса, неизвестности, динамики и становления. Океан символизирует мир, лишённый метафизического первоначала, высшей трансцендентной власти, единой универсальной субстанции, и одновременно пространство рождения новой философии. В современном мире происходит тотальная трансгрессия пространства – культурного, духовного, социального, метафизического. Это пространство утрачивает высший, скрепляющий его метафизический смысл, но вместе с тем в этом «открытом море» (Ф. Ницше) человеку предстоит обрести новые смыслы и ценности.

Кроме того, концепт *terra nullius* может употребляться не только в пространственном, но и во временном значении, обозначая некий «нулевой» период истории, доисторическое или внеисторическое состояние общества. При этом следует подчеркнуть тесную взаимосвязь временного и пространственного смыслов данного концепта: пространство является «ничьим», поскольку не аккумулировало исторические традиции, не накопило богатого исторического наследия. Это топоним, еще не вовлеченный в мировой исторический процесс, не нагруженный историческими смыслами и потому представляющий собой чистую потенциальность, открытую для будущего. Тем самым отрыв от общемировой цивилизации трактуется не как недостаток или ущербность, но, скорее, как преимущество «ничьей земли», предоставляющее ей значительный исторический шанс. *Terra nullius* – это территория будущего, не отягощенная ошибками прошлого. Социокультурное «открытие» этой территории и встраивание ее в европоцентричный порядок предполагает «обнуление» исторического времени, в котором она существовала до сих пор. С позиций линейной исторической модели, существующей в рамках европоцентризма, статусом *terra nullius* могут быть наделены «архаичные» топонимы социального пространства, не вписывающиеся в систему европоцентристского исторического дискурса и создающие тем самым «очаги напряжения» для «передовых» народов. В качестве подобной «ничьей земли», выпавшей из всемирного исторического процесса, Г. Гегель рассматривает пространства Америки и Сибири [10. С. 132, 143]. Как отмечает А. Эткнд, «в рассуждениях русских философов и критиков *terra nullius* – скорее исторический период, чем определенная территория» [12. С. 147]. Потенциальность российского пространства, выявленная П.Я. Чаадаевым, Н.И. Надеждиным, И.М. Ястребцовым, становится впоследствии

одним из лейтмотивов русской философии и культуры. Мысль о скрытом, нереализованном потенциале России была расценена Н.А. Бердяевым как последовательное выражение «русской мессианской идеи». К.Н. Леонтьев считал даже необходимым «подтормозить Россию», чтобы она не повторяла ошибок далеко зашедшего по пути прогресса Запада. Впоследствии эта мысль преломляется в стремление, избежав повторения фаз общественного развития, пройденных западноевропейским социумом, «перепрыгнуть» сразу на более высокую ступень развития. Таким образом, речь идет об области смысловой и идентификационной неразличимости, позволяющей «с чистого листа» реализовать самые смелые исторические замыслы.

Подводя итоги настоящей статьи, затронем вопрос: как возможно в современную эпоху, когда, по выражению К. Хаусхофера, «на планете уже нет ничьей земли» [13. С. 276], существование топонимов, которые могут претендовать на статус *terra nullius*? Безусловно, сложившаяся в современном обществе система социальных отношений привела к такому тесному взаимодействию всех агентов, что даже региональные пространственные конфликты моментально перерастают в статус общемировых (примером чего может служить военный конфликт в Донбассе и Луганске). Как справедливо отмечает К. Шмитт, «никто не является *alius* (посторонним. – Н.Б.), когда под вопрос ставится общее пространство и охватывающий всех пространственный порядок» [7. С. 244]. Рождение «ничьей земли» и установление в ней нового центра власти ставит под сомнение равновесие всей существующей системы властных отношений. Поэтому в условиях современного общества для сохранения власти над физической территорией необходимо придать этой территории новый смысл в рамках определенного дискурса. Иными словами, для удержания или присвоения пространства, понимаемого в качестве физической реальности, с принадлежащими ему природными ресурсами, инфраструктурным потенциалом, социокультурным и человеческим капиталом необходимо конструирование знаковой идентичности этого пространственного элемента, осмысление и интерпретация его в рамках нового пространственного поля. Захвату или разделу географической территории предшествует конструирование дискурса, в структуре которого она наделяется определенным смыслом и получает определенную номинацию (к примеру, обозначения «ДНР» или «Донецкая область Украины» относятся к одной и той же географической реальности, однако за ними стоят различные политические дискурсы). Тем самым конфликт между агентами социального пространства переносится в информационное поле, в рамках которого и конституируется *terra nullius*, подлежащая захвату. Динамика социального пространства в современном мире заключается в перманентном конституировании новых его элементов – политического, экономического, информационного, виртуального и прочих пространств, служащих усилению действующих субъектов власти и порождению новых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рассел Б. История западной философии : в 2 т. М. : МИФ, 1993. Т. 1. 509 с.
2. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
3. Фаритов В.Т. Онтологический статус феномена дискурса // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1. С. 124–136.
4. Бурдьё П. Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Ладомир, 1994. 868 с.
6. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Наука, 1969. 704 с.
7. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008. 670 с.
8. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
9. Зомбарт В. Собрание сочинений : в 3 т. СПб. : Владимир Даль, 2005. Т. 1. 637 с.
10. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 479 с.
11. Ницше Ф. Веселая наука // Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2014. Т. 3. С. 313–597.
12. Эткнд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
13. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики, XX век. М. : АСТ, 2003. С. 227–598.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 апреля 2015 г.

TERRA NULLIUS AND POWER RELATIONS IN SOCIAL SPACE

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 38–42. DOI: 10.17223/15617793/396/6

Balakeets Natalia A. Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: bnatalja@mail.ru

Keywords: terra nullius; social space; physical space; topos; heterotopia; power; discourse.

The aim of the article is to explicate the multidimensional and polysemantic character of the concept “terra nullius” (“no man’s land”) which can be used to describe the topological relationships in the social space. Social space is permeated by power relations interpreted not as a purely political, but as an ontological phenomenon that pervades all areas of social life. One of the concepts based on the understanding of social space as a network of interdependent elements is “terra nullius”. Terra nullius is a Latin expression that comes from Roman law and literally means “the land that does not belong to anyone; no man’s land”. Despite the fact that the concept “terra nullius” is mainly used in works on international law, in its heuristic potential it is beyond the scope of the international law. Notions of “no man’s land” are present in the works of H. Grotius, T. Hobbes, J. Locke, J.-J. Rousseau, C. Schmitt, F. Nietzsche and other authors. Terra nullius should not be understood exclusively as a purely physical reality. The author treats the “no man’s land” as a lacuna in an interpretation model of reality, a semantically incomplete element in the structure of social space. In the spatial aspect, terra nullius is a topos which allows constitution of new social and cultural relations, an area in which there are no established social norms. This space “beyond the line” (C. Schmitt) remains outside the “legal, moral and political evaluations”. In this sense, the “no man’s land” can be likened to the state of nature (T. Hobbes, J. Locke). The article on the material of the works of G. Hegel, F. Nietzsche, W. Sombart describes two types of these “free” spaces: firstly, the land area of the New World (America) and, secondly, marine (ocean) space. In addition, the concept “terra nullius” may be used not only in spatial but also in temporal sense, indicating a null-period of history, prehistorical or non-historical state of society. The close relationship of temporal and spatial meanings of this concept should be emphasized: the space belongs to nobody because it has not accumulated historical traditions and rich historical heritage. This topos has not yet been involved in the world historical process, not laden with historical meanings; therefore, it represents a pure potentiality that is open for the future. The constitution of the “no man’s land” and the establishment of a new center of power within casts doubt on the balance of the existing system of power relations. Therefore, in today’s society to hold or appropriate the space understood as a physical reality, with all its natural resources, infrastructure capacity, socio-cultural and human capital, it is necessary to construct a sign identity of this space element, to understand and interpret it in a new spatial field.

REFERENCES

1. Russell, B. (1993) *Istoriya zapadnoy filosofii* [The History of Western Philosophy]. Vol. 1. Moscow: MIF.
2. Foucault, M. (2006) *Drugie prostranstva* [Other Places]. In: Foucault, M. *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'y* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Pt. 3. Moscow: Praksis.
3. Faritov, V.T. (2014) Ontological status of the phenomenon of discourse. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 1. pp. 124–136. (In Russian).
4. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; St. Petersburg: Aletyia.
5. Grotius, H. (1994) *O prave voyny i mira* [On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir.
6. Rousseau, J.-J. (1969) *Traktaty* [Treatises]. Moscow: Nauka.
7. Schmitt, C. (2008) *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
8. Locke, J. (1988) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
9. Sombart, W. (2005) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
10. Hegel, G.W.F. (1993) *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. St. Petersburg: Nauka.
11. Nietzsche, F. (2014) *Veselaya nauka* [The Gay Science]. In: Nietzsche, F. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
12. Etkind, A. (2013) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Haushofer, K. (2003) *Granitsy v ikh geograficheskom i politicheskom znachenii* [Borders in their geographical and political meaning]. In: Korolyov, K. (ed.) *Klassika geopolitiki, XX vek* [Classical geopolitics of the twentieth century]. Moscow: AST.

Received: 26 April 2015